САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МИСОНЖНИКОВ
Борис Яковлевич

СООТНОШЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ

10.01.10. — **Журналистика**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2001

Работа выполнена на кафедре современной периодической печати факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор Л. П. ГРОМОВА
доктор филологических наук, профессор И. П. ЛЫСАКОВА
доктор филологических наук, профессор В. П. МУРОМСКИЙ

Ведущая организация: Северо-Западная академия государственной службы при Президенте РФ

Защита состоится «14» июня 2001 года в 30 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 232. 17 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете (199034, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «____» _____ 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук О. В. Сляднева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. В настоящее время мы являемся свидетелями небывалого по силе и масштабности «тектонического сдвига» в общественной жизни: человечество освоило и все более активно использует исключительно эффективные системы коммуникации, среди которых важнейшее место продолжает занимать печатное издание как уникальный семиотический феномен. Оно успешно адаптируется к сложнейшим современным условиям, реализуется в различных вариантах, включая электронные. Есть все основания констатировать, что процесс взаимодействия содержательных и формальных структур печатного издания становится все более многоаспектным и усложненным, приемы текстообразования приобретают особенно большое значение, требуют серьезного исследования с целью поиска путей дальнейшего повышения их эффективности. Поэтому обращение к данной теме позволяет говорить о ее несомненной актуальности.

Печатное издание правомерно рассматривать как результат сложного процесса, непосредственно затрагивающего социальную, духовную, эстетическую и производственно-технологическую сферы, отмеченного не только размеренным эволюционированием, но порой и впечатляющими резкими качественными изменениями. Несмотря на существенное различие и даже противоречивость отдельных этапов этого процесса, революционизирующие моменты, он, вне всякого сомнения, един — от первых попыток древнего человека отобразить действительность, выразить к ней свое отношение и зафиксировать его при помощи примитивных знаков до выпуска новейших образцов газетной, журнальной и книжной продукции.

Любое по типу печатное издание, страница как его неотъемлемый конструктивный элемент — это целостный комплекс с характерными взаимообусловленными семантическими и формальными признаками, в котором идеально-образное начало неразрывно связано с материально-предметным[1].

[1] Напр., С. И. Галкин каждый элемент оформления (текстовой шрифт, заголовочный шрифт, межколонные пробелы, внутристрочные пробелы, линейки, украшения, отбивки, тоновые иллюстрации, штриховые иллюстрации), который есть «одна из составных частей внешней формы», наделяет «определенной функцией при передаче содержания» (Галкин С. И. Моделирование и некоторые проблемы оформления печатных изданий // Газетное оформление. Теория и практика моделирования: Сб. статей / Под ред. И. С. Галкина. М., 1981. С.12).

Эта диалектическая взаимосвязь носит глубинный и далеко не всегда отчетливо алгоритмируемый характер в силу большой усложненности и многоаспектное™ воздействующих структуро- и системообразующих факторов.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ. Именно широкий круг проблем соотношения содержательных и формальных структур печатного издания является предметом аналитического исследования, причем круг проблем в известной мере условного издания как явления, достаточно репрезентативно отражающего важные процессы, протекающие в коммуникативной области. В то же время основанием для суждений и выводов служит конкретный эмпирический материал, который включает в себя текстуальные комплексы печатных изданий самого широкого профиля — отечественных и зарубежных газет и журналов, книг различных исторических периодов и культур. Исключительно интересный исследовательский материал представляют собой первые печатные издания, включая работы Иоганна Гутенберга, а также произведения русских печатников XVII—XX веков. Многие выводы автор диссертационного сочинения смог сделать вследствие изучения форм и методов текстовой презентации произведений Ж.-Ж. Руссо как одного из самых ярких представителей эпохи бурного развития европейской книжной культуры. Детальному изучению подверглись приемы текстообразования, которые нашли отражение на страницах типичных качественных изданий газетной периодики — швейцарской «Neue Ziircher Zeitung» и немецкой «Die Welt», использован опыт формирования текстов электронных изданий.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА. Исследование материала потребовало и соответствующей методологической основы, которую составили фундаментальные современные концепции прежде всего таких наук, как филология, философия, теория массовой коммуникации, история и психология. В связи с принципами и подходами, разработанными в области этих дисциплин, формировался и понятийный аппарат диссертации.

Говоря о воздействии системообразующих факторов и признавая их значительную роль в воссоздании единого завершенного комплекса печатного издания[2], автор диссертации все же обращается главным образом к факторам структурообразующим, в связи с чем проводит грань между этими двумя категориями, исходя из дефиниций, данных А. А. Реформатским. Хотя, согласно замечанию последнего, термины «система» и «структура» часто

[2] В издательской сфере системный подход служит эффективным инструментом при решении скорее практических конкретных задач, чем общих, дает возможность вырабатывать четкие приемы конструктивного плана. Так, справедливо утверждается: «Только системный подход к оформлению позволит избавиться от беспорядочного обращения с любой частью газетной графики» (Табашников И. Н. Графический мир газеты // Журналист. 1975. № 6. С.49). О важных аспектах системного подхода также см.: Рубанов Г. В. Предвидение и случайность. (Статистическое предвидение и его роль в научном познании). Минск, 1974. С.84—87.

синонимируют, вполне оправданно указывается на их принципиальное различие: система — это, по А. А. Реформатскому, «единство (на основании взаимотождеств и взаиморазличий) однородных элементов», это «связь и взаимосвязь по горизонтали», а вот структура — «связь и взаимосвязанность по вертикали», «это вертикальная ось, связывающая в единство различные ярусы целого»[3].

Таким образом, декларируя уже в тематическом обосновании структурный подход, диссертант тем самым заостряет внимание на аспектах взаиморасположения различных элементов содержательных и формальных системных образований и на их тесной взаимной связи, на том, как указанные образования коррелируют. Создаваемые этими элементами структуры как раз и становятся «вертикальными осями», на которых зиждутся «различные ярусы целого».

Структурированные «по вертикали» содержательные и формальные составляющие такого многоуровневого и многомерного организма, каким является печатное издание, предстают как обширные знаковые объединения, в своей последовательности и слитности образующие целостное текстовое пространство. Знаки, которые порождают как простейшие единицы смысла, а именно не всегда еще даже отчетливо идентифицируемые семы, так и уникальные пространные содержательные образования — тексты, занимают, несомненно, приоритетное место. Сами знаки — письменные, иконические и индексальные — выступающие в виде букв, орнаментальных, геометризованных графических фигур и т.д., и текст, как результирующее явление всей совокупности разнообразных, большей частью весьма динамично воздействующих знаков, обладает соответствующей структурностью, исследование которой дает возможность выявить по крайней мере самые важные конструктивные механизмы взаимосвязи содержательных и формальных образований.

Структурный подход, помимо всего прочего, позволяет достаточно избирательно, сфокусированно и в то же время многопланово, широко взглянуть на объект исследования — печатное издание, а в процессе более детального анализа — на отдельную страницу, и выйти на уровень необходимых обобщений, заключений и концептуальных выводов.

Конкретизируя этот объект в содержательном и формальном отношении, стоит обратиться к работам М. Н. Куфаева, который предпринял попытку типологической классификации печатного издания, исходя из семантического и формального различия тех или иных его образцов. Упомянутое выше до некоторой степени условное понятие печатного издания, которое наделяется основными типическими и собирательными качествами, можно, по сути, сравнить с «книгой», о которой ведет речь Куфаев. Ее видовым отли-

[3] Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С.30.

чием, «как конкретного данного явления (differentia specifica) понятия книги, является то, что посредством видимого знака зафиксированы *мысль* и *слово,* взятые вместе». Именно это и есть определяющая характерная особенность, которая должна быть присуща книге. Соответственно делается и вывод о том, что не только книга переплетенная, но также и «несколько книг или статей, которые составляют <...> единое целое и поэтому объединены общим переплетом, сборники и альманахи, газеты и прочее — все это будет книга». Используя *«мысль* и *слово»* в качестве решающего детерминирующего фактора, Куфаев не относит к понятию книги «ноты музыкальные, альбом иллюстраций, образцы типографских шрифтов, „прописи" с набором букв и слов», поскольку они, «хотя и в *книжном* виде изданные, не будут *подлинными* книгами, так как выражают лишь „мысль" составителя, издателя, или автора их, но не „мысль и слово"»[4].

Признавая в основном справедливость его суждений, автор диссертации конкретизирует: именно печатное издание, которому имманентны «мысль и слово», «книга» в трактовании Куфаева является наиболее удобным и адекватным для данного исследования феноменом, то есть печатное издание (и страница — его основополагающий элемент), представленное разнообразной как собственно книжной, так и журнальной и газетной продукцией. Те печатные издания, которые не соответствуют понятию книги, оставляются за рамками анализа в связи с их известной специфичностью, хотя и они, вне всякого сомнения, обладают своеобразными содержательно-формальными структурами, реализуемыми в особой знаково-текстуальной последовательности. Необходимо подчеркнуть, что, называя печатное издание в качестве типизированного в теоретическом и методологическом плане объекта исследования, диссертант имеет в виду прежде всего тот обобщенный образец книжной, журнальной и газетной продукции, который сложился к настоящему времени. Вместе с тем, однако, автор сочинения отнюдь не отрывает его от предшествующих звеньев книготворческой деятельности, в первую очередь от создания рукописных образцов, потому что это стороны единого в своей целенаправленности и онтологической обусловленности процесса эволюционирования.

ЦЕЛЬ **И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ,** Печатное издание, существующее в повседневной практике как конкретная вещь, исключительно глубоко интегрировано с явлениями общего и неразделимого культурологического развития. Каждое издание — результат осмысленного творчества, обычно группы авторов, если иметь в виду не только создание письменного текста,

[4] Куфаев М. Н. Избранное. М., 1981. С. 45, 47, 103. — Ср. с дефиницией газеты; делается вывод о том, что «не существует общепринятой дефиниции газеты» и «в большинстве стран под понятием газеты подразумевают всеобщий листок, который выходит по меньшей мере четыре раза в неделю» (Gustafsson K. E., Weibull L. Europaische Zeitungsleser — Ein Uberblick // Europa liest Zeitung. Brussel, 1996. S.35).

но и производственно-оформительскую деятельность, и за контурами объекта подобного рода почти всегда отчетливо угадывается почерк субъекта. Поэтому и объект, в данном случае печатное издание, не без основания может артикулироваться в единении всех формообразующих элементов и представать как его, то есть субъекта, опредмеченная деятельность.

Любое издание, как опредмеченная деятельность субъекта, выражено конструктивно при помощи различных формообразующих компонентов, которые активно взаимодействуют, — материал с его фактурными характеристиками, основные и дополнительные средства оформления, письменный текст и его содержание. Все это в той или иной мере может составить предметную область научного исследования. Однако диссертант постарался сосредоточить внимание главным образом на том, что имеет непосредственное отношение к содержательно-формальным образованиям. Учитывая высокую степень интегрирования печатного издания с многообразными проявлениями социальной, и в особенности культурной, сферы, он коснулся и некоторых аспектов как бы второго плана, составляющих, по сути, субпредметную область, то есть тех факторов, которые лишь опосредованно связаны с весьма сложно иерархизированными содержательно-формальными структурами.

Они, эти структуры, хотя и соединены многими нитями с различными сторонами окружающего мира, все же достаточно замкнуты в себе и самодовлеющи, образуют своеобычный континуум. Они вообще являют собой уникальный феномен: несмотря на предельную гетерогенность (на странице соседствует самый разнообразный графический материал, особое звучание обретает цветность, и все это резонирует, порождая соответствующую дополнительную семантику), несмотря на то, что большинство элементов разнятся не только в конструктивном отношении, но и вообще по своей психоэстетической и физической природе, например письменный знак и цветная иллюстрация, то есть несмотря на всю явную неоднородность содержательно-формальных элементов издания, как правило, не происходит их отторжения друг от друга, разрыва ткани общего текста. Они обычно гармонируют в своем единстве. Показать и проанализировать закономерности этого явления — основная цель исследования.

Ее характер определил и необходимость решения следующих задач:

• рассмотреть основные характеристики категорий содержания и формы в широком философско-методологическом плане и конкретное их проявление в пределах пространства печатного издания;

• проанализировать механизм взаимодействия содержательно-формальных структур в плане их семиотического выражения с учетом такого универсального показателя, как энтропия;

• исследовать характер взаимодействия основных (шрифтовая графика и иллюстративный материал) и дополнительных (линейки, орнаментальные украшения и т.д.) формообразующих средств;

• на основании изучения эмпирического материала систематизировать элементы, участвующие в процессе текстообразования на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях;

• произвести анализ содержательно-формальных структур печатного издания как развивающейся системы, с учетом новейших достижений в области презентации текстового материала;

• показать печатное издание как единый комплексный феномен, существующий в диалектической зависимости от форм его реализации и в то же время достаточно свободно и самостоятельно, что и обусловливает его уникальную культурологическую ценность и позволяет с оптимизмом прогнозировать будущее.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ТЕМЫ. Автор диссертации учитывает опыт тех, кто уже касался в разное время и в разных общественно-исторических условиях проблемы взаимодействия содержательных и формальных структур печатного издания. Одним из первых был У. Моррис, уже в XIX в. обративший внимание на необходимость изучения механизмов взаимодействия всех текстообразующих элементов печатного издания — вербальных и невербальных. К историографии более позднего периода можно отнести работы М. Н. Куфаева, Я. Линцбаха, А. А. Сидорова, Н. А. Дмитриевой, В. Н. Ляхова, А. П, Киселева, Ю. Я. Герчука и других исследователей.

В диссертации с учетом современных достижений в области теории и практики печати предпринимается попытка решения ряда конкретных проблем, среди которых наиважнейшими представляются следующие. Прежде всего — рассмотрение категорий содержания и формы как фундаментальных структурообразующих факторов. Освещение некоторых граней этого вопроса даст возможность достаточно адекватно взглянуть на роль знака, и в частности символа, в конструировании общего плана печатного издания. Все его формообразующие элементы участвуют в воссоздании единого дискурса на основе общей идейной и логической подпочвы, то есть соучаствуют в воспроизведении целостного текстуального пространства, связанного с окружающим миром и «погруженного в жизнь», которое обладает семантикой, и все его составляющие подразделы соответствующим образом прочитываются. Следовательно, в реализации коммуникативной функции активно участвуют не только собственно языковые средства, но и параязыковые[5].

К ним мы отнесем все многообразие основных и вспомогательных средств, формирующих облик печатного издания. Визуальный аспект, разумеется, играет первостепенную роль, поскольку речь идет о письменной

[5] Об этом подробнее см.: Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 35.

языковой коммуникации. Письменная речь, с одной стороны, избавлена от тех привнесенных извне влияний факторов невербального характера, которым подвержена устная речь, но, с другой стороны, начинают воздействовать иные факторы, уже на уровне графического оформления. Механизм их воздействия качественно иной, семантика письменного текста не столь резко трансформируется, происходит большей частью избирательная, мягкая корреляция, хотя иногда соотношение между содержанием и оформлением письменного текста проявляется с большой силой. Достойной внимания задачей представляется и последовательное рассмотрение того, как классифицированы и структурированы важнейшие паралингвистические средства, каков их генезис, как они в психоэстетическом смысле воздействуют на реципиента. Многие аспекты решения задач, посвященных практике использования структурообразующего материала, в первую очередь вербального и иконического, конечно, возможно интерпретировать с должной полнотой, лишь опираясь на эмпирические результативные характеристики, т.е. очевидна целесообразность привлечения и исследования конкретных типов печатных изданий в плане их концептуально выраженной специфики и самобытности.

Проблема соотношения содержательных и формальных структур печатного издания давно уже привлекает внимание теоретиков и практиков, однако интерес их был обращен большей частью на отдельные стороны этого явления и носил в известной мере пропедевтический характер, и эту тенденцию, пожалуй, не скоро еще удастся переломить. К трудам многих крупных исследователей предстоит еще неоднократно обращаться и, суммируя основные положения их наследия, можно с полным правом говорить в целом о высокой степени разработанности вопроса, хотя стройная гносеологическая система взглядов на его решение стала складываться лишь в последние десятилетия. Процесс ее более или менее завершенного оформления скорее всего займет много времени.

Таким образом, благодаря в основном глубокой и серьезной разработанности многих теоретических аспектов взаимосвязи содержательных и формальных уровней печатного издания, благодаря достижению как в последние несколько столетий, так и в настоящее время несомненно значительных результатов в издательской практике можно говорить о наличии вполне удовлетворительной теоретической и источниковедческой базы, необходимой для проведения дальнейшей исследовательской работы. Автор диссертации опирается на суждения и выводы отечественных и зарубежных специалистов, очень разных по своим научно-профессиональным, социально-этическим и даже политическим пристрастиям. Вместе с тем он стремится из огромного массива прямо или косвенно посвященной означенной теме литературы извлечь наиболее существенные факты, мнения, заключения. Использованные источники указаны в примечаниях, помещенных в конце введения и каждой из глав сочинения.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА ДИССЕРТАЦИИ. Наработанный исследователями за несколько столетий впечатляющий по объему философско-теоретический, текстологический, психоэстетический, исторический и конкретно-описательный материал требует дальнейшей классификации и категоризации, обоснованных методов изучения. Исходя из того, что печатное издание — и страница как его часть — представляет собой единый комплекс, его следует и воспринимать соответствующим образом — в качестве целостной организации, единого текста, воссозданного в результате логически детерминированного составления множества самых разных по типу знаков — символических, в частности письменных, иконических, представленных в виде иллюстраций, орнаментов, геометрических фигур и др. Все они выполняют общую функцию — передают реципиенту визуальную информацию, восприятие которой порождает соответствующие идеи и чувства, влияющие на поведение индивида, принятие им тех или иных решений.

При структуральном подходе к исследованию печатного издания оно рассматривается именно как единый текст, хотя и состоящий из различных относительно самостоятельных комплексов. Такой подход позволяет избежать интерпретирования отдельных формообразующих элементов как метафизически застывших, разобщенных, существующих изолированно. Оперирование понятием *единого текста* может способствовать преодолению формальной дискретности, оно даст возможность сцементировать все составные части, свести их, несмотря на очевидный полиморфизм, в единое семантическое пространство. В то же время, несомненно, на определенных этапах анализа текстообразующих ингредиентов оправдан и системно-сравнительный метод исследования. Более того, он необходим при классификационных и категориальных обоснованиях.

В обобщенном смысле печатное издание, как системное явление, бинарно — оно структурировано при помощи материала вербального, которому, хотя в нем и превалирует семантический аспект, эстетический также имманентен, и невербального, активно воздействующего визуально, в котором доминирует внешний эстетический фактор, обусловливающий семантическое наполнение. В их пределах осуществим и необходимый аксиологический принцип — применительно к различным системным уровням можно говорить о соответствующей иерархии ценностей. Как раз при системно-сравнительном подходе и возможно установить иерархические различия, поскольку каждое системное образование входит в ту или иную совокупность явлений, обладающих общими признаками, и, как утверждается, «существуют различные классы ценностей (и только в этом смысле можно говорить об „иерархии ценностей")»[6]. Однако путем деления единого организма, в данном случае — печатного издания, на составляющие элементы и аналитического

[6] Гулыга А. В. Принципы эстетики. М., 1987. С. 45.

рассмотрения образующих его систем невозможно получить целостного представления о всем совокупном материале, требуется применение адекватного метода для синтеза и обобщения, то есть подхода ко всему образованию как к сложно структурированному, но единому тексту.

Итак, говоря о методологии решения поставленных задач, хотелось бы подчеркнуть, что она продиктована стремлением преодолеть определенную разобщенность отдельных элементов печатного издания в процессе его общего структурообразования — прежде всего распада на вербальный и невербальный материал, а также стремлением отразить соотношение содержательных и формальных структур с учетом особенности социальной и психоэстетической природы данного объекта исследования.

В первую очередь необходимо выделить его своеобразный антропоцентризм: печатное издание есть порождение искусственное, создается человеком и для человека. Она, явление семиотического характера, исключительно насыщено символикой самого различного толка, и человек, сам осмысленно создавая книгу, журнал или газету, начинает испытывать на редкость интенсивное воздействие с их же стороны, еще больше погружается в изобилующий символами и мифами универсум. Печатное издание, как продукт, появившийся в условиях человеческой общности, становясь ее орудием, создает как бы «индивидуальную жизнь». Его возникновение почти всегда имеет глубокие каузальные корни, и действительная причина создания книги, журнала или газеты может быть очевидной, открыто и откровенно провозглашаемой или скрытой, в той или иной степени завуалированной.

Печатное издание, кроме всего прочего, обладает высокой динамикой реализации в соответствующих морфологических, временных и пространственных, качественных и количественных модификациях, отличается исключительно высокой вариативностью возможных воплощений. Достаточно трансформировать в каком-либо звене знаковую структуру, как все текстуальное образование так или иначе видоизменится. Паралингвистическая система, как и любая иная совокупность знаковых выражений — разумеется, включая и вербальные — может быть артикулируема в концептуальном смысле в трех направлениях: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Диссертант также в основном придерживается рамок этой утвердившейся классификации[7], которая не вызывает возражений ни в отношении критериев, лежащих в ее основе, ни в конструктивно-терминологическом плане.

Для объективной оценки взаимообусловленности и соотнесенности составных частей единого текста, определения степени их согласованно-

[7] Подробнее см., напр.: Черри К. О логике связи (синтактика, семантика и прагматика) / Пер. с англ. Л. В. Фаткина // Инженерная психология: Сб. статей / Под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М., 1964. С. 255; Лазутина Г. В. Технология и методика журналистского творчества: Метод, указания. М., 1988. С. 10.

сти — особой функции состояния структур, целесообразно использовать понятие энтропии, которое в силу присущей ему универсальности из области точных наук легко экстраполируется на почву отвлеченных категорий, не всегда развивающихся в пределах строгих императивных предписаний, в частности — на среду с не всегда четкими психоэстетическими доминантами. При структуральном подходе к исследованию печатного издания, рассмотрении его как единого текстуального комплекса не просто методологически оправданно и обоснованно с позиции конкретных эвристических подходов, но, как нам кажется, и необходимо привлечение понятия энтропии. Структурный подход, то есть основанный на методах структурализма, предполагающий учет того, в какой мере взаиморасположены, связаны и соотнесены друг с другом части целого, в случае использования понятия энтропии как своеобразного критерия приобретает должную выразительность и конкретность. Именно понятие энтропии позволит свести к общему знаменателю качественные характеристики принципиально различных, но во многом изоморфно проявляющихся состояний, построить единую модель, в которой были бы отражены структурная сопряженность и функциональные возможности отдельных элементов.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ. Тема исследования носит, казалось бы, сугубо теоретический, почти отвлеченный характер, но в современных условиях она обретает практическую значимость. И вот почему. Ныне печатное издание — и страница как основной его структурообразующий ингредиент — претерпевает коренные изменения в связи с развитием новейших технологий. Эти изменения приобретают все более отчетливо выраженный глубинный онтологический характер. Резко преобразуется форма воспроизведения гекста, письменный журналистский материал, в частности, все в большей мере оказывается интегрированным с другими коммуникативными системами, становится активно действующей частью единого мультимедийного комплекса. Это особым образом влияет на принципы соотношения содержательных и формальных структур зафиксированного и предъявленного текста.

Как подчеркивает немецкий исследователь Б. Шрамка, «новые технические возможности оказывают влияние и на содержательные аспекты, и на их презентацию». По его словам, понятие мультимедиа «охватывает две области: содержание и технику. В содержательном плане — это соединение письменного текста, речи, музыки и видеоизображения, причем интерактивно —пользователь решает сам, что он хочет читать, слышать или видеть», а в техническом плане — это новейшие электронные системы, которые «лишь осуществляют передачу невероятной массы данных». Ведутся интенсивные поиски усовершенствованных вариантов воспроизведения письменного текста — речь идет об электронной «персональной газете», публикации которой «могут быть неоднократно актуализированы в течение дня» и кото-

рая может быть удобной для чтения «в автобусе, метро и на пляже»[8]. Реальностью стало понятие телетекста.

Все это уже в наше время обусловливает качественные изменения в сфере производства как книжной, так и газетно-журнальной продукции — «обновление СМИ все более понимается как бесконечная, диктуемая жизненной необходимостью диверсификация форм и методов работы и творчества». В «персональных» газетах и журналах (хотя, может быть, подобное типологическое разделение окажется стертым) процесс текстообразования будет осуществляться отнюдь не в традиционном направлении — увеличится, по-видимому, роль паралингвистических средств, возрастет значение четкости в организации всего семиотического пространства издания, поскольку будет ощущаться необходимость предельно «свернуть» содержание, добиться его максимальной концентрации и выразительности. Наблюдается поворот к более активному использованию иконических знаковых образований — ярких, сильно воздействующих, феноменологически очень конкретных: «как считают специалисты, важное место в „новой прессе'[4] займут цветные карты, схемы, диаграммы»[9]. В мультимедийной периодике, обладающей беспредельным содержательным многообразием и строго формализованным языком — не только в обычном вербальном значении, усложнится характер коррелирования содержательных и формальных структур. Для понимания и прогнозирования этого процесса необходимо внимательно изучить традиционный опыт, особенно те его грани, которые актуализируются в новых условиях. Это позволит полнее и точнее определить тенденции развития данного феномена и в перспективе выработать соответствующие рекомендации, направленные на его оптимизацию.

При оперировании масштабным комплексом сложных понятий не обойтись и без применения определенной типологической исходной концептуальной схемы, без понимания проблемы типологии как метода и конкретной формы научного познания. Этот подход предполагает выделение соответствующих объектов в качестве системных образований — в роли объектов здесь выступают различные феноменологические содержательные и формальные образования печатного издания, — разъединение их структурных элементов, исследование по важнейшим функциональным направлениям, дальнейшее распределение по соответствую-

* Schramka B. Das Informationsmonopol ist bedroht. Medienfunktionen und Offentlichkeit im revolutionaren Wandel // Fiihrungsaufgaben in Redaktionen. Bd 1: Materialien zum Redaktionsmanagement in Zeitungs- und Zeitschriftenverlagen / Hrsg. von E. Maseberg, S. Reiter, W. Teichert. Gutersloh, 1996. S. 340, 342.

[9] Соколов В. С. Западные масс медиа: достижения и проблемы // Факультет журналистики. Первые 50 лет: Статьи, очерки / Отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 1996. С. 39, 36.

щим группам с учетом параметров преднамеренно созданной обобщающей модели, включающей «описания объектов на языке специальных символов» и играющей «существенную роль в систематизации знания»[10]. Это делается с целью отождествления уровня организации и коррелирования объектов и их функций, а также отождествления свойственных им признаков. В качестве формальной логической основы в типологии обычно используются следующие понятия: тип (единица расчленения системного образования для его исследования), классификация (система соподчиненных понятий на основе учета общих признаков), систематика (классификация, или группировка, однородных предметов и явлений по общим признакам), таксономия (теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности).

С целью воссоздания единой теоретической картины используется понятие таксономии как основополагающее в отношении построения общей типологической парадигмы. Применяемая к системным образованиям, а именно к областям феноменологически реальным, имеющим, как правило, иерархическую структуру (органический мир, языкознание, этнография, общественное устройство и т.д.), таксономия направлена прежде всего на изучение категорий, соотнесенных по значению с взаимно связанными и соподчиненными группами данных областей (таксонами). Она является учением о системе таксономических категорий, разделом систематики, и принципиально важным аспектом ее практического использования представляется понятие таксономического деления — *«это выделение в объеме понятия подклассов, являющихся объемами новых (видовых по отношению к исходному) понятий с точки зрения определенной характеристики, называемой основанием деления»*[11]. Таксономическое деление может быть как одноступенчатым, так и многоступенчатым — осуществляемым по изменению видообразующего признака (члены деления образуются вследствие изменения их характеристики) или дихотомическим (последовательное деление объема понятия на два противополагаемых класса). Таксономическое отношение сводится к отношению «род—вид». Но может возникать отношение «часть—целое», а именно мереологическое, разработанное и введенное в научный оборот С. Лесневским. Для типологизации в сфере журналистики, включая содержательно-формальные аспекты текстообразования печатного издания, имеющие несомненно иерархическую структуру, более приемлемо применение таксономического деления, причем многоступенчатого, однако элементы мереологического деления также могут встречаться.

Используемая система таксономических или мереологических делений

[10] Сичивица О. М. Методы и формы научного познания. М., 1972. С.85.

[11] Ивлев Ю. В. Логика: Учебник. М., 1992. С.178.

будет являться соответствующей классификацией, которая *<тожет производиться по существенным признакам (естественная) и по несущественным признакам (вспомогательная)»*^-. Оба варианта, и прежде всего первый, то есть естественной классификации, необходимы для создания типологии структур печатного издания. На каждой ступени деления осуществляется принцип систематики — при помощи сравнения специфических особенностей соответствующих объемов понятий выясняются их общие свойства. Систематизация объемов родовых понятий позволяет выделить объемы видовых понятий — таксоны.

Но здесь сразу же необходимо внести некоторые уточнения в плане терминоупотребления: отношение «род—вид», характерное для таксономического деления, в типологической системе СМИ оказывается многоступенчатым, и каждый новый объем понятий будет видовым по отношению к предыдущему, то есть родовому. Чтобы условно зафиксировать подвижную, диалектически постоянно развивающуюся типологическую систему, уместно ввести дополнительные понятия, иерархизировав их следующим образом: тип—класс—род—вид. Также для удобства возможно введение понятий подкласса и подвида. Это применимо в границах общей типологии. В пределах же одной ступени, одного акта таксономического деления, вполне приемлемо сохранение отношений «род—вид». Во всяком случае, «род деспотически властвует»[13], обусловливая появление вида.

Другое уточнение связано с нахождением приемлемого подхода при формулировании дефиниций: какой вариант определений по отношению к соответствующему объему понятий выбрать, чтобы с должной полнотой выразить всю совокупность признаков, важных для построения типологии? Наиболее подходящими в данном случае следует признать классические определения, называемые определениями через род и видовое отличие, делимые на атрибутивно-реляционные, генетические и операциональные. Из явных определений приоритетным представляется вариант атрибутивно-реляционных определений, в которых главное значение имеют категории качества и свойства, хотя возможно и частичное использование определений генетических (видовое отличие отражает способ происхождения) и операциональных (элементом отличия выступают операции, в которых предметы принимают участие).

Указанные выше методы проведенного исследования, стремление комплексно решать поставленные задачи, выводы, сделанные при анализе и обобщении эмпирического материала, позволяют претендовать на определенную научную новизну работы, а также на ее теоретическую и практическую значимость. В то же время диссертант осознает, что его исследова-

[12] Гетманова А. Д. Логика. М., 1986. С.54

[13] Трубецкой С. Н. Соч. М., 1994. С.552.

ние может стать лишь одним из прологов к всеохватному изучению того масштабного и беспредельно модифицирующегося явления, каковым предстает печатное издание. Оно, несмотря на традиционные, существующие на протяжении многих столетий основные принципы формообразования, не просто продолжает играть важнейшую роль в культуре общества, но и расширяет диапазон своего влияния, усложняет функции, становится все более действенным качественным фактором духовного, социального, культурно-исторического, художественного и эстетического значения. Принципы структурной организации всех сторон издания, механизмы его воздействия на реципиента вызывают в связи с этим непреходящий интерес, требуют серьезного исследования.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Методологические подходы, концептуальные положения и выводы, которые содержатся в диссертационном сочинении, прошли апробацию в различных формах — в основных и специальных лекционных курсах, прочитанных на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, а также в Университете города Вааса (Финляндия) и в ряде других вузов, в выступлениях на международных и межвузовских научно-практических конференциях и семинарах, в опубликованной монографии, в статьях, увидевших свет в коллективных сборниках научных трудов, в научной журнальной периодике. Результаты апробации позволяют судить о том, что избранные методологические подходы к решению круга стоящих проблем в целом могут претендовать на достаточную адекватность и в перспективе на более углубленное, теоретически обоснованное и конструктивное исследование.

Предметом и задачами диссертационного сочинения продиктован характер структуры работы, которая состоит из Введения, трех глав и Заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** представлена общая характеристика диссертационного сочинения, освещена глубина разработанности темы и ее актуальность, определены предмет и задачи, намечены методологические подходы исследования.

В первой главе **«Печатное издание и феноменология текста (принципы структурообразования)»** представлено печатное издание как исключительно сложный и многогранный объект познания. В нем отчетливо реализуется принцип дихотомии: сначала печатное издание делится на материально-предметную и знаково-текстовую-части, которые, несмотря на явно оппозиционные отношения, сосуществуют в диалектическом единстве и, в свою очередь, также делимы. То есть оно предстает в двух

своих основных проявлениях, и именно второе — соответствующим образом организованный и структурированный, имеющий конкретное содержание и конкретную форму текст — представляет для нас в данном случае главный интерес, причем интерес преимущественно феноменологического характера.

В разделе 1.1. *«Категории содержания и формы: аспекты выражения в печатном материале»* дается характеристика данных феноменов и освещается механизм взаимодействия их некоторых сторон. В отличие от формы, которая может быть внутренней и внешней, содержание — явление скорее безусловно имманентное предмету и цельное, оно как бы всегда прячется за форму и менее подвержено дроблению, хотя в данном случае и можно говорить, главным образом, о тенденции, поскольку если форма дискретна, то и содержание окажется разорванным. Вместе с тем спектр его проявления исключительно многообразен — от содержания мысли до содержания материального предмета. Оно динамично и изменчиво, возникает везде, где объект обретает знаковость и способность что-либо сообщить, быть «прочитанным». Содержанием обладает письменный текст, оно присуще также отдельным письменным знакам или группам шрифтов с соответствующим рисунком конструктивных элементов, то есть гарнитурам, иллюстрациям, геометризированным орнаментальным украшениям и т.д.[14] Любой предмет, материально представленный или отраженный, суть которого постигаема человеческим сознанием, будет носителем определенного содержания. И в то же время оно детерминируемо субъектом познания. Правомерно утверждение о том, что невозможно «абсолютно полное элиминирование влияния субъекта и средств наблюдения на форму и содержание образа (идеал метафизической гносеологии)», хотя уровень адекватности отражения может быть различен, речь ведется не без основания «об асимптотическом приближении совпадения образа с предметом, что достигается, в частности, методами нахождения инвариантных относительно различных систем отсчета характеристик и пр.»[15]

Роль субъекта познания проявляется довольно отчетливо: один и тот же текст (символический, в частности письменный, иконический или какой-либо другой) может быть совершенно по-разному воспринят и истолкован реципиентом, ибо процесс опознания решающим образом зависит от нали-

[14] В. С. Люблинский наделяет внешнюю форму печатного издания особым содержанием, хотя и минимальным. Здесь заключена информация «косвенная, побочная и во многом непроизвольная» (Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общения: Сб. избр. книговед, работ. М., 1972. С. 90).

[15] Славин А. В. Эвристическая роль наглядных средств в построении нового знания: Автореф. докт. дис. Л., 1972. С. 19—20.

рактеризует не то, что передано, а то, что могло быть передано источником информации»[18].

Во-вторых, содержательный элемент страницы, текстуальный или иллюстративный, может быть проанализирован как феномен семантического и эстетического воплощения, лишь частично алгоритмируемый в процессе формообразования, то есть не полностью реализуемый согласно определенной системе операций по строго представленным правилам. В этих случаях появляется значительно больший простор для творческой фантазии. Понятие энтропии здесь может быть привлечено в качестве инструмента определения состояния эстетической системы скорее не с целью фиксации уровня ее информационной насыщенности исходя из потенциальных возможностей, а как мера степени гармонизации.

В-третьих, печатная страница графически всегда очень конкретно выражена, имеет четкие морфологические доминанты, и вместе с тем она — результат творческой, едва ли жестко, в деталях регламентируемой художественно-оформительской деятельности. Этот подход к вопросу также дает возможность применить понятие энтропии, хотя надо учитывать, что в данном случае, впрочем, как и в предыдущем, оно, это понятие, приобретает характерные специфические особенности, фактически помогает установить, в какой степени в силу неизбежной субъективности отражения будет нарушаться закон тождества, а именно закон безэнтропийности.

Что касается содержательных структур печатной страницы, то, безусловно, тождественность, а значит и безэнтропийность, достигает своего максимума прежде всего при публикации фотоиллюстраций, хотя и в этом случае могут быть причины, существенно ее уменьшающие, например цветовые и световые искажения, нарушения перспективы воспроизведения. Можно и преднамеренно в каких-либо случаях — однако до определенного предела — снижать уровень тождественности при помощи технических средств. Так, используя ретушь, за счет ослабления остального изображения подчеркивают особо важные детали объекта. А вот созданная художником иллюстрация, например рисунок, бывает, как правило, более энтропийна, так как образ в значительной мере преломляется в сознании автора.

В этом случае мы оперируем понятием энтропии с позиции применения закона тождества, однако это понятие может быть привлечено в ходе идентификации какой-либо знаковой системы, включая иконическую, и с позиции теории информации, то есть с целью определения информационной насыщенности системы. И в этом преломлении также будет оправданно вести речь об «энтропии опознаваемых объектов»[19]. Собственно, то же са-

[18] Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 36—37.

[19] См.: Описание формы изображения: Метод, разраб. к спецкурсу «Преобразование информации в центральной нервной системе» / Сост. Р. М. Грановская. Л., 1982. С. 26.

мое можно сказать и о письменном тексте — словесном сочинении, или его фрагменте, образованном совокупностью расположенных в определенной последовательности и логически взаимосвязанных синтагм.

Во второй главе **«Основные и дополнительные средства формообразования в печати: типология, функционально-стилистические особенности, роль в процессе текстуализации»** исследуются принципы взаимодействия различных категорий текстообразующего материала, имеющего феноменологически отчетливо выраженный характер: шрифтовой и иллюстративный материал, которым представлена группа основных средств формообразования, занимает, как правило, ведущее место в издании благодаря не только превалирующему объему в общей массе морфологических элементов, но и максимально активному участию в создании семантики общего текстуального пространства. Однако это совершенно не дает повода для абсолютизации основных средств и умаления дополнительных, которые также играют важную роль в решении широкого круга задач — идейных, формально-логических, художественно-эстетических и др. Все средства в той или иной мере участвуют в создании системного знакового комплексного образования, стремятся к минимальной энтропийности.

В разделе 2.1. *«Генезис и динамика развития шрифтовой графики (морфологический, психосемантический и эстетический аспекты)»* внимание акцентируется на роли шрифта как элемента, воссоздающего отдельные и системные письменные знаки.

Шрифт — это не только имеющий особую форму «сосуд» для языкового материала, но и важнейший фактор культурного значения, обладающий своей уникальной историей развития. Так, графическая основа латинского шрифта, ныне практически господствующего в мировой письменной системе, формировалась в течение очень долгого времени, и ее истоки берут начало в глубокой древности. Несмотря на некоторые спорные моменты, касающиеся тех или иных аспектов происхождения римского письма, в частности влияния на него греческих алфавитов, правомерно утверждать, что оно возникло из этрусского и греческого письма на италийской почве. Последнее, в свою очередь, восходит к финикийскому письму.

Заслуживает внимания тот факт, что значительный психоэстетический импульс могут давать не только буквы, но и другие участвующие в создании целостного текстуального комплекса знаки, функциональность которых изначально почти не связана с эмоциональной сферой, а предельно рационализирована. Такими знаками, например, являются цифры. Вследствие использования сугубо графических средств — усиление контура, оттенение, орнаментирование и т.д. — можно манипулировать качественным уровнем их воздействия.

В схематической графической основе любого письменного знака, особенно буквы, закодировано бесконечное множество отраженных реалий

предметного мира — от схематично представленных образов животных до наличия внешних черт (опять-таки подчеркнем: схематично представленных) антропоморфности. Это явление вообще укладывается в русло приоритетных направлений творческой деятельности человека и характерно для поэтики, отражающей образ и сущность: в процессе творческого познания реальности человек антропоморфизирует мир.

Разумеется, большую роль играет уровень интенсивности психоэстетического воздействия тех или иных групп шрифтов. Некоторые из них скромны и недостаточно выразительны, другие, наоборот, способны произвести сильное впечатление. К последним можно отнести, например, готические шрифты, которые заслуживают специального разговора, так как занимают особое место в репертуаре наиболее эффективно воздействующих систем письма и поныне применяются в практике оформления печатной продукции. Высокий уровень их психоэстетического воздействия обусловливается определенными, исключительно четко выраженными конструктивными особенностями. Готическое письмо возникло вследствие комплекса сложнейших процессов, протекающих в духовной и материальной сферах, и развивалось, будучи интегрированным в общую структуру эстетического мировосприятия.

Создание письменных текстов всегда считалось высоким творчеством. Живописцы в композицию картин, посвященных обычно библейским сюжетам, включали выполненные в особо эстетизированной манере шрифтом надписи, которые органично входили в общую структуру произведения. Издавна были известны и апробированы совершенные способы построения письменных знаков и достижения при этом максимального эффекта в использовании соответствующих пропорций. Построением шрифтов занимались выдающиеся мастера.

Совершенно очевидно, что в зависимости от содержания текста весьма желательно использовать и шрифт соответствующей гарнитуры. В противном случае от прочитанного возникает впечатление дисгармонии. В самом деле, если стихотворение, посвященное исключительно социально-политической теме, полное гражданского пафоса, окажется набранным на газетной полосе шрифтом гарнитур Bodoni или Baskerville, отличающихся подчеркнутым изяществом, то у читателя — может быть, даже неосознанно — возникнет ощущение определенного несоответствия формы и содержания, он почувствует неоправданность, а то и несуразность подобного воплощения. Добиться того, чтобы эстетика шрифтового оформления была соотнесена со смысловым и эмоциональным значением опубликованного произведения, — необходимый императив.

Таким образом, процесс реализации шрифта как сложного в феноменологическом плане техстообразующего материала предполагает учет многих психоэстетических факторов. Особое место в ряду явлений духовной и предметной сферы обусловливает и необходимость рассмотрения шриф-

та, важнейшего компонента эстетического оформления печатной продукции, во всем многообразии генетических связей с историческими, социальными, культурными аспектами жизни общества, в контексте их развития.

В разделе 2.2. *«Иллюстрирование — воплощение визуально-пространственной формы (к проблеме изобразительного языка)»* подчеркивается глубокая соотнесенность визуальных изобразительных средств, представленных на печатной странице, со всеми иными содержательно-формальными структурами. Иллюстрации зачастую отводят роль однозначно вспомогательного материала, сопровождающего письменный текст и служащего исключительно для его дополнения посредством визуализации отдельных тематических и сюжетных направлений.

Однако любая иллюстрация наделена определенной самостоятельностью — она самостоятельна, по крайней мере, в прагматическом и глубоком феноменологическом аспектах. Но ее самостоятельность — впрочем, как и всех остальных текстообразующих элементов — всегда будет ограниченной в функциональном плане: именно функция изобразительного материала, поданного в качестве иллюстрации, в любом случае окажется проясняющей и, значит, в этом смысле вспомогательной. В любом случае изобразительный материал интегрирован в единое текстуальное образование, аддитивное по своей феноменологической природе, и так или иначе дополняет сложную знаковую мозаику печатной страницы. Изобразительное произведение, независимо от конкретного объекта отражения, будет прояснять (illustrare), то есть иллюстрировать, не только сам данный объект, но и любое явленное на странице системное образование. На него будет падать как бы отсвет соответственно окрашенного в семантическом и психоэстетическом плане изобразительного материала.

Поэтому, как обосновывается в диссертации, любой иконический материал (в практическом плане — если он более или менее интегрирован в единое текстуальное пространство и в принципе не отвергается им) может совершенно оправданно быть квалифицирован как «иллюстрация», что никоим образом не противоречит факту доминирования определенной функции при условии потенциальной полифункциональности наглядного средства. Термин «иллюстрация», пожалуй, уместно применять также по отношению к воспроизведенному собственно изобразительному материалу, поданному без вербального сопровождения. И в этом случае процесс иллюстрирования, то есть прояснения, будет иметь место, хотя объектом, на который он направлен, выступит феномен, вынесенный за рамки издания.

В связи с этим феноменологически яркой особенностью иллюстрации — включая и фотографическое изображение — следует признать ее открытость воздействию внешних факторов не только на стадии воссоздания самого иконического материала, но и позже, в течение всего времени его существования. Воссозданное иллюстрированное изображение может быть в большей или меньшей мере самодовлеющим и замкнутым, но эти качества ни-

когда не будут абсолютными, поскольку изображение представляет собой действительно открытую систему и, будучи уже реализованным, впоследствии подвергается как материальному, так и идеальному воздействию[20].

Совершенно очевидно то, что иллюстрация, даже при условии максимальной оперативности ее опубликования, едва ли сможет строго соответствовать требованию полного совмещения. Однако вряд ли будет справедливым превращать это требование, несмотря на то что оно способствует выполнению задачи отождествления важного понятия, в метафизический императив. Во всяком случае, фотография, как иконический знак, не требует непременного и постоянного конвенционального подхода, отражает предметный мир с необходимой долей аутентичности и отличается наличием множества связей с миром идей и предметов, широчайшими функциональными возможностями. И даже если некоторые строгие императивные правила воспрепятствуют признанию у иконического знака способности к непосредственной презентации и выполнению индикативной функции, он все равно будет приближаться к реализации своих исключительно широких предикативных возможностей. Что же касается конвенциональное™ иконических знаков, то этот вопрос, видимо, не так прост, как может показаться. Несомненно, нельзя утверждать, что иконические знаки не конвенциональны, даже если они реализованы в качестве фотоизображения.

Иконический знак, будучи явлением системным, в то же время очень индивидуализирован, самодостаточен, реализуется в конкретных пространственно-временных пределах. Этим определяется его психоэстетический характер и смысловая выразительность. В конкретной ситуации знаковое образование воспринимается конкретным образом, в соответствии с чем раскрывается и его содержание. Структурный анализ формальной стороны иконического знака помогает нам в процессе познания сложнейшего механизма коррелирования между важнейшими феноменами — формой и содержанием, их диалектического взаимодействия. В данном случае форма особенно наглядна, многозвучна и выразительна, особенно понятийно содержательна. Но содержание иконического знакового образования никогда не остается окончательно закрепленным в пределах той или иной формы — последняя может быть неизменной, однако это отнюдь не означает, что столь же неизменным будет и содержание. Оно очень чутко реагирует на самые разнообразные факторы внешнего воздействия — материально-предметные, психоэстетические, социальные, этнологические, нравственные и прочие.

[20] Т.е. «организованный в тексты словесный материал может участвовать не только в „изменении рисунка" видения, но и в перекодировке изобразительной информации». Более того, нередко «слова сознательно применяются для разрушения достоверности зрительных образов» (Дауговиш С. Н. I) Фотоэстетика и журналистика: Метод. Разраб. Рига, 1988. С25; 2) Введение в фотоэстетику: Конспект лекций. Рига, 1984. С.32).

В разделе 2.3. *«Вербальный и иконический материал в пределах единого дискурса»* отражаются основные аспекты соотношения двух разносистемных и совершенно разнопланово оформленных произведений — литературного (буквально — написанного), а именно определенного содержательного образования, зафиксированного при помощи письменных знаков, и иллюстративного — также определенного содержательного образования, представленного иконическими знаками.

В роли конститутивного общего элемента должно выступать нечто более глубокое, касающееся не только внутренних формальных, но и духовных сущностных планов. Необходимо общее логическое начало, общий метод феноменологии для реальных или мифических предметов, имеющих определенное созвучие. Это не просто идея, оформленная как понятие, представление о чем-либо, но это идея организованная и организующая, целеполагающая, раскрывающая суть отраженных явлений, а также обладающая подлинной универсальностью и беспредельной возможностью формообразования. Этот момент отнюдь не маловажен, потому что в результате интеграции возникает нечто совершенно новое и по содержанию, и по форме. В. Б. Шкловский замечает: «Зрительная сторона страницы дает свои эмоции, которые, вступая в связь со смысловыми, рождают новые формы»[21]. Здесь «формы» понимаются, видимо, не столько в их внешнем выражении, сколько в глубинном и сущностном. С обеих позиций происходит объединение содержательных и формальных структур — они будто бы существуют раздельно, но фактически уже представляют собой одно целое. Конечно, в этом случае проявляется обобщающее логическое начало, логос не столько в своем мифическом, сколько в достаточно конкретном выражении. На общей психоэстетической и социокультурной основе издревле строились путем совмещения вербального и иконического текстов единые в содержательно-структурном плане комплексы.

Характерно, что еще в процессе иллюминирования древних рукописных текстов авторы практически всегда стремились действовать на единой основе логического конструирования, ощущали необходимость в соблюдении законов, диктуемых логосом, что результировалось, как правило, в гармонических и духовно выразительных произведениях. Изначально это коренилось, видимо, в глубинных архетипических структурах, что обусловливало ощущение единства принципов графического построения как письменных, так и иконических знаков, причем еще не было полностью завершено выключение письмотворчества из природного, — а если брать шире, то и космогонического — процесса. Даже направление письма соотносилось с миром повседневной практики, что подтверждается, к примеру, наличием «бустрофедона (букв, „ход быка", когда направление письма меняется по-

[21] Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 150.

добно направлению движения быка, дошедшего до края поля и повернувшего обратно)»[22].

Можно констатировать начало возникновения глубинной и всеобъемлющей дихотомии: иконический знак, воссоздаваемый субъектом в качестве коммуникативного средства, развивается в двух направлениях — собственно как иконический знак, функция которого как внешнего раздражителя реализуется в процессе опознания и восприятия его реципиентом на уровне первой сигнальной системы, и собственно письменного знака, символического образования, в котором связь между означаемым и означающим условна, строится на сознательной договоренности и функция которого как внутреннего раздражителя реализуется уже на уровне второй сигнальной системы. Рождаются два абсолютно различных системных комплекса, причем коммуникативные возможности фонетического письма кажутся на- :тсдько большими, чтс в отдельные периоды иконография свитков, а позже и кодексов, сводится к самому минимуму. Но полного отъединения одной системы от другой произойти не может, поскольку человек еще «помнит» об их сродстве. В его сознании они обретают общую духовную основу.

Качественный уровень письменной коммуникации значительно повышается благодаря высокому качественному уровню материальных предметов, с которыми письменный текст непосредственно соприкасается, начиная уже с бумаги для печати. Это всегда старались учитывать те, кто создавал и выпускал в свет текст. Конечно, речь не идет о трансформации содержательной структуры произведений, но влияние на качество восприятия — несомненно. Об этом знали уже в незапамятные времена, что выражалось не только в использовании материалов высокого текстурного качества, не только порой в очень взыскательном отношении к эстетике оформления, но и в стремлении сопроводить зафиксированный текст предметами — разумеется, эстетически выразительными — как практического функционального характера (футляр, суперобложка), так и декоративно-символического.

Как видим, и все дополнительные средства формообразования в печати играют важную и порой даже относительно самостоятельную роль, активно участвуют в процессе текстопостроения. Они, как и основные средства, представляют собой прежде всего многоплановые знаковые образования, именно знак господствует в пределах печатного издания.

В зависимости от комплекса факторов, прежде всего психологических, и реализуется с той или иной степенью адекватности процесс формовосприятия, главным субъектом которого становится читатель газеты, журнала или книги. При восприятии формальной структуры печатной страницы он в меру

[22] Альбедиль М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991. С. 88. — Об этом также см.: Проненко Л. И. Каллиграфия для всех. М., 1990. С. 13—14.

своих возможностей идентифицирует ее отдельные элементы и общий план. В силу этого представляется важным, к слову сказать, прогнозирование реакции читателя, возможное выявление глубины его проникновения в суть увиденного. Впрочем, мы пока едва ли можем говорить о разработке завершенной концепции читательской психологии, она существует, насколько известно, лишь на этапе отдельных исследований исторических, теоретических и методологических проблем, хотя об этом и ставился уже вопрос со всей определенностью довольно давно. Вместе с тем, надо полагать, мы подошли к тому рубежу, когда читателеведение во всей его сложности и многообразии приобретает особую актуальность.

К поиску наиболее интересного, нужного текста читатель приступает, уже имея первое впечатление от внешнего вида издания, от общей картины оформления, отдельные составные части которого он начинает анализировать и сопоставлять.

В некотором роде психологически связующим звеном между двумя основными направлениями, в которых осуществляется перцептивная деятельность читателя (с одной стороны, визуальное восприятие элементов формообразования, а с другой стороны, постижение содержания текста, анализ лексических средств), то есть звеном между теми направлениями, в которых реализуется познавательный процесс, служит восприятие заголовков и рубрик. В них эстетика оформления почти мгновенно соприкасается с эстетикой содержания, с семантикой, что создает порой довольно сильный психологический эффект.

На визуальном уровне формовосприятия приобретают существенное значение и такие понятия, как ритмичность различных графических элементов, особенно иллюстраций и шрифтов, контрастность, пропорциональность и т.д. Они довольно активно воздействуют на читателя, способствуют возникновению у него эмоций и ощущений. Опираясь на предыдущий опыт в своей познавательной деятельности, читатель так или иначе характеризует увиденный материал, соотносит его со знакомыми явлениями и образами. Сугубо формальное, внешнее, казалось бы, воплощение знака имеет между тем глубокую внутреннюю детерминированность.

Форма всегда вызывает определенные ассоциации, и она, обретая структурные характеристики в печатном произведении, никогда не возникает на пустом месте, а питают ее истоки из практической сферы. Вместе с тем форма, лишенная содержания, конкретного наполнения, не может не быть всего лишь абстракцией, скорее даже потенцией с неограниченной возможностью реализации.

Четкое представление об особенностях формообразования, проникновение в самобытный, самодовлеющий и во многом загадочный мир существования формы, а также ее взаимодействия с содержанием, познание экзистенции формы и содержания как целостности дает возможность расширить представление о процессах, протекающих в практической сфере, глубже

увидеть и осмыслить свойства предметов как пространственных явлений, выраженных графическими, светотеневыми и цветными средствами, и в большей мере понять суть функциональных и эстетических сторон формообразования.

В третьей главе **«От морфологических элементов — к единому текстуальному пространству»** печатное издание рассматривается в его целостном выражении. В формировании единого текстуального пространства семиотические элементы участвуют в соответствии с их конструктивно-семантическими возможностями и качественными признаками. Организация как внешних, так и внутренних формальных структур текстуального пространства осуществляется с учетом зрительной — как в сенсибельной, так и в интеллигибельной областях — соотнесенности и соразмерности частей единого целого, причем соответствующее пропорционирование материала является императивным условием. Процесс формального структурирования текстуального пространства печатного издания устремлен вглубь, направлен на формализацию все более дробных подразделов: от общего плана разворота, полосы, или страницы, — к блоку, или группе материалов, а затем — к отдельным публикациям, иконическим или вербальным, к их ингредиентам. Этим обусловлена и реакция реципиента в процессе опознания единого текстуального комплекса.

В разделе 3.1. *«Идентичность текста печатного издания как универсального семиотического образования»* текст печатного издания интерпретируется как система, открытая для применения метода логического конструирования, и в нем отражаются глубинные процессы, свойственные вообще любой системе — от простейшей до универсума.

Текст печатного издания, обладающий специфическими качественными признаками, является вместе с тем текстом в самом полном и отчетливо выраженном значении этого понятия. Более того, именно данный вид текста наделен широкими, можно сказать, уникальными возможностями — он представлен исключительно многоаспектно, в самых разных вариантах, воссоздается с учетом осмысленной и логически оправданной целесообразности. Текст печатного издания, взятый в целом как объект деления, обладающий устойчивыми родовыми признаками, может быть представлен определенными видовыми категориями: тексты книжные, журнальные, газетные (если исходить из принципов мереологического деления) и тексты, например, научные, художественные, публицистические и в широком значении журналистские (если использовать принцип таксономического деления). Журналистские, которые, разумеется, могут быть объектом дальнейшего широкого таксономического деления, являют собой очень сложный и динамично воздействующий тип текстов, который «занимает особое место и выполняет особую роль, образуя „стремнину" потоков, их „стержневое течение" и во многом определяя состав остальных „частей". Почему так происходит? На этот вопрос помогает ответить характеристика основных черт

журналистского произведения, заключающих в себе своеобразие его семантики, прагматики и синтактики»[23].

Журналистскому, и в частности новостному, дискурсу свойственны в основном те же системообразующие признаки, которые свойственны и любому иному дискурсному образованию, хотя и отмечаются некоторые особенности. Лишь с учетом комплексного выражения всех факторов, обеспечивающих соответствующий уровень *дискурсности* средств массовой коммуникации, может быть реализована возможность их адекватного исследования и отождествления. Именно дискурсный анализ позволяет увидеть вербальный текст, особенно журналистский, в его реальном коммуникативном действии, в интеграции с социально-культурными и идеологическими контекстами, увидеть как процесс, протекающий во взаимосвязи со многими другими функциональными категориями, включая читательскую аудиторию.

Любой журналистский текст, а именно текст, достаточно адаптированный к публикации в соответствующих средствах массовой информации, отличается существенной актуализацией отмеченных выше признаков — коммуникативных, социальных, идеологических. Во многих текстах уровень актуализации данных признаков может достигать максимума — это практически все газетно-журнальные тексты на актуальные общественно-политические и экономические темы. Здесь резонанс по всем направлениям реализации оказывается очень высоким.

Текст, конечно и журналистский, есть, образно говоря, живой организм. Согласно законам диалектики, он рождается, развивается в том или ином направлении, с определенной активностью участвует в общественно-культурных процессах, а потом может либо в прямом смысле слова погибнуть, оказаться безвозвратно утраченным (так, увы, до нас дошли далеко не все инкунабулы — первые печатные книги, те, которые были выпущены в XV в.), либо, как чаще всего и происходит с текстом, в том числе и опубликованным, оказаться неактуальным, погребенным под толщей архивной пыли. Случаются, правда, и чудесные превращения: текст, который считался архаичным, с годами почти мумифицировался, может вдруг в силу тех или иных причин быть востребован. СМИ иногда публикуют взятые из старых газет и журналов материалы. Они могут содержать информацию, в чем-то созвучную современному положению дел.

Следует подчеркнуть, что текст никогда не существует вне времени. Однако и во временном плане он должен рассматриваться по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, на всей временной оси, в своем развитии, пребывании во временном пространстве с момента создания, причем рассматриваться с учетом исторических реалий конкретного периода. Такое развитие, учитывающее трансформацию значений, актуализацию на определенном

Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: Учеб. пособие. М., 1999. С. 58.

этапе то одних, то других качественных признаков, называют, как известно, диахронией. Во-вторых, текст может восприниматься сиюминутно, с учетом лишь в данный момент проявляющихся качественных особенностей, как бы в своем мгновенном состоянии, а не в движении. Подобное состояние и исследование текста как семиотической системы называют синхронией. Но такое деление, необходимое в процессе идентификации тех или иных аспектов существования текстового континуума во временном отношении, будет казаться слишком метафизическим без выявления сложных диалектических закономерностей. Их, к слову сказать, выделял М. М. Бахтин: «между синхроническим и диахроническим подходом... должна быть непрерывная связь и строгая взаимная обусловленность»[24]. Это характерно для всех категорий текста, в том числе и для вербального — письменного и бесписьменного, который может наделяться и метазначением. Практически невозможно провести четкую границу между двумя данными подходами.

Любой письменный вербальный текст — как журналистский, так и литературно-художественный — никогда не бывает полностью самодовлеющим, замкнутым в пространстве исключительно собственной семантики, изолированным от иных развернутых знаковых комплексов, и не только вербальных, но также созданных на другой семиотической основе, в частности иконических. Осуществляется бесконечный сложно организованный диалектический процесс вовлечения одних текстовых образований в другие, и корни этого процесса обнаруживаются еще в глубокой древности, когда творческая фантазия народа рождала яркие образцы бесписьменных текстов.

Мы наблюдаем феномен интертекстуальности — органично присущее тексту свойство включать в себя другие тексты, явление беспрестанно возникающих наложений одних ассоциативно-семантических структур на другие с образованием новых дополнительных значений. Иначе говоря, возможно «понимать под интертекстуальностью включение в текст либо целых других текстов, с иным субъектом речи (стихов, писем, дневников), либо фрагментов чужих текстов в виде цитат, реминисценций и аллюзий»[25]. Диапазон реализации интертекстуальности очень широк, и она представлена в различных формах.

Понимание законов текстопостроения, принципов взаимодействия различных структур единого текстуального пространства может расширить творческое видение автора, дать ключ к решению конкретной практической задачи.

В разделе 3.2. *«Методологические принципы текстуализации в печати (из опыта исследования эмпирического материала)»* представлены аспекты практической реализации текстов печатного издания.

[24] Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. Киев, 1994. С. 9.

[25] Арнольд И. В. Поэтика интертекстуальности // Вопросы английской контекстологии: Межвуз. сб. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Кащеева. СПб., 1996. С. 8.

Складывается впечатление, что необходим эффективный инструмент идентификации именно всего совокупного текстуального пространства, и это позволило бы оптимизировать методологию формирования отдельных текстовых комплексов. Выработка подобного универсального алгоритма, правда, станет возможной скорей всего лишь в кибержурналистских системах благодаря их большей прагматической упорядоченности и четкости. Пока же, отметив значительную вольность и непредсказуемость применяемых критериев идентичности в сфере текстопостроения, возможно, по крайней мере в общих чертах, определить лишь основные направления, по которым в печати на практике осуществляются процессы текстуализации.

Особая свобода реализации характерна для вербального текста, особенно художественных и публицистических произведений. Процесс текстуализации осуществляется здесь порой весьма своеобразно, как, например, в романе «Улисс» Д. Джойса. Уже изначально в качестве основной формотворческой матрицы берется другой текст — «Одиссеи» Гомера. Широкое и всепроникающее использование данного прецедентного текста приводит к тому, что текст Джойса, а именно посттекст, обретает особые соотносительные черты. Форма текстуализованного материала стремится к тому, чтобы стать максимально самодовлеющей, а содержание будто нехотя за ней подтягивается. У Джойса формализация вообще играет важную роль, а зачастую обретает и значение парадокса: А. Карпентьер свидетельствует, что для текста новой книги Джойса якобы начали создавать «необычный алфавит, где все буквы будут разного цвета и будут перевиты нитями водорослей, фигурками морских коньков, саламандр, небесных тел. Но в конце концов его „Поминки по Финнегану" производят именно то впечатление, какое вызвал бы у нас текст, напечатанный подобным шрифтом»[26]. То есть текст может порой оказаться парадоксальным и непредсказуемым, и дело не столько в качестве его написания, сколько в типологической заданности, безграничных возможностях конкретного воплощения.

Динамичность текстовой формы проявляется как в сюжете, так и в композиции произведения —детализированном подборе, формировании, группировке и распределении элементов внутренних структур. Композиция, как более схематизированная и метафизическая категория, чем сюжет, соответственно дальше отходит от семантики содержания и с некоторой долей механистичности фиксирует соотношение и соразмерность составных частей целого.

Говоря о форме воплощения внутреннего содержания текста, нельзя забывать и о такой важной ее категории, как архитектоника, которую часто, к слову сказать, отождествляют с композицией, но делать это вряд ли право-

[26] Карпентьер А. Мы искали и нашли себя: Худ. публицистика / Пер. с исп. В. Б. Земскова. М., 1984. С. 63.

мерно, поскольку даже лингвистическая первооснова двух терминов, их этимология совершенно различна. Архитектоника — не только структурообразующая, но также и важнейшая эстетическая категория. Она подразумевает и обусловливает меру и качество искусства построения, соотношения элементов в системе с позиции эстетического значения, обращает внимание на общий эстетический план единого целого. Иными словами, показывает, каков уровень энтропии в системе. Архитектоника текста печатного издания — это категория, которая отражает соразмерность его частей, эстетический уровень построения произведения как законченного целого, оправданность сочетания различных формообразующих элементов с целью достижения гармонии, это общий эстетический план материала.

Владение методами формопостроения при подготовке текста во всей их 01 купности, 31 *iw v*< Н, н ' 'к жетно к< мпозицион юго постр м ни' I ре i га re ие о принцип * фхитектоник] вес это безусловно необходимьн предпосылки для успешной работы над материалом печатного издания. Эти о о? га ли *vdi p* \ щктуь г и руі (уж< производные сти истиче кие приемы в формообразующей сфере, обусловливают индивидуальные ка- ге :тва гворческог - гточерк \ У к *ждого автора развиваете я свой подход < р 16< - те со словом, своя манера изложения, свое чувство ритма и меры. «Читая Ницше (афористическое письмо), Хайдеггера (дефисное письмо) или Киркегора (пунктуационное письмо), мы читаем лишь в той степени, в какой подчиняемся *физике* этих видов письма...»[27] «Физика» письма создает неповторимое своеобразие текста. Он в каждом отдельном случае по-своему ритмизован и метричен, каждая фраза обладает особыми конструктивными характеристиками, а в совокупности образуется живое, активно-динамическое текстовое пространство, в котором письменные знаки выражены графическими средствами.

Один из ярких и достаточно репрезентативных примеров — опыт издания сочинений Ж.-Ж. Руссо, автора, который, может быть, как никто другой, повлиял на умы европейцев последних столетий. Его творчество дает богатый материал для выявления проблемы соотносительности многих содержательных и формальных феноменов. Подчеркнем, что структуры внешней формы отнюдь не носят случайного характера, они активно участвуют в общем процессе текстуализации, дают исключительно важный импульс в процессе формирования целостного семантического пространства.

Создание внешнего вида печатной страницы — это ведь сложный про- i. ' >f-uwлегроения, в который i слючаются графически пр< (ставленные элементы широкого диапазона, с определенной полнотой отражающие предметный мир во всем его многообразии и отличающиеся специфической фигуративностью, особыми, зависящими от конкретной ситуации ритми-

[27] Подорога В. А. Метафизика ландшафта: Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX вв. М., 1993. С. 21.

ческими и орнаментальными доминантами. Полиморфизм, вообще изначально свойственный печатной странице, внутренне присущая ей многоаспектная структурная организация открывают беспредельные возможности для воссоздания вариационного эстетического ряда, позволяют находить соответствующий формальный образ, наиболее адекватно выражающий эстетику содержания того или иного произведения.

Представляется совершенно очевидным, что любое печатное издание — прошлых веков, как это следует из произведенного в диссертации анализа книжных изданий Ж.-Ж. Руссо, или современных образцов газетной периодики — в эмпирическом плане являет собой сложный текстовой комплекс, элементы которого пребывают в контексте времени и чутко реагируют на проявления идеологических и социальных, духовных и эстетических факторов. Любое печатное издание феноменологически связано с миром, обладает направленностью и динамикой воссоздания содержательно-формальных структур в соответствии с его императивами, в той или иной мере неминуемо становится носителем дискурсных признаков: будучи само текстуальным феноменом, оно интегрировано в общее текстуальное пространство окружающих реалий. Отсюда и воздействие извне множественных факторов, в частности стилевых доминант. Все это способствует вовлечению печатного издания как самодовлеющего субъекта в систему пространственно-временных отношений и процессов, причем далеко не только как носителя коммуникативной функциональности, но и как зиждущейся на диалектических началах, неотделимой от онтологической сферы уникальной креативной категории.

В разделе 3.3. *«Текст печатного издания в свете прагматической перспективы»* подчеркивается, что печатное издание не является категорией метафизически неизменной, застывшей в своем развитии.

В роли своеобразного глобального артефакта выступает целостный, общий коммуникативный комплекс во всей многоаспектное™ его проявления, универсальное всеобъемлющее семиотическое образование — гипертекст, который сегодня уже обрел совершенно конкретные феноменологические признаки: реализована «ситуация сознавания, восприятия»[28].

По сути, гипертекст, будучи небывало емким и морфологически разнохарактерным явлением, полагается в основу функционирования всех мультимедийных средств и на практике поразительно расширяет вообще представление о тексте. Этот феномен, а именно предстающий в самых различных вариантах текст, становится предметом многостороннего исследования в области различных наук, в том числе и теории средств массовой коммуникации, — в идейно-социальном, гносеологическом, системном и структурном планах. Ведь в конце концов целью деятельности любой коммуникатив-

[28] См.: Погоняйло А. Г. Философия заводной игрушки, или Апология механицизма. СПб., 1998. С. 55.

ной системы становится именно порождение соответствующего артефакта — в данном случае письменного или бесписьменного текста. Без него совершенно невозможно осуществление коммуникативного действия. Определенной целью могут быть мотивированы в пределах гипертекста очень многие структурные морфологические образования, особенно если речь идет о творческой стороне коммуникативного действия. Один из ярких примеров — попытка написания «нелинейной гипертекстовой прозы», которая рассматривается как «текстовое генеалогическое дерево».

Современный компьютерный гипертекст мог появиться только в рамках развития и функционирования соответствующих кибернетических систем, будучи их главным производным, основным продуктом их деятельности, поскольку иначе она, эта деятельность, была бы лишена всякого смысла. Гипертекст, очень широко толкуемый в отношении его значения, служит универсальным и всеобъемлющим средством коммуникации, включенным в глобальные гиперцивилизационные процессы.

Все основательней погружаясь в киберпространство, человечество проявляет фантастическую изобретательность в поиске форм общения, адекватных новым условиям. Резкий рывок вперед в области коммуникационных технологий обусловил вместе с тем появление широкого энтропийного поля: новейшие методы передачи информации предполагают и наличие соответствующей системы социокультурных отношений, но даже в идеале корреляция в этом плане не может быть полностью удовлетворительной, поскольку указанная выше система отношений в силу своей сложности, определенной инертности и громоздкости не в состоянии с необходимой быстротой адаптироваться к уровню сверхсовременных, очень сложных технологических артефактов. Многие сферы социокультурного характера требуют в этой связи упорядочения и структурного усовершенствования. Возникают проблемы не только общего значения — этические, общественно-правовые, психологические, но и более частного, конкретного толка. Одна их них — это проблема текстуального отождествления. Вне всякого сомнения, «важно, чтобы культура производила соответствующие тексты»[29].

Несмотря на возможное преувеличение масштабов той опасности, которая угрожает традиционным печатным изданиям, следует признать, что электронные СМИ наступают широким фронтом и теснят привычные для аудитории бумажные газеты и журналы. В то же время говорить о близкой кончине последних — занятие явно бессмысленное, поскольку это вопрос скорее не технический, а глубоко философский: если в сугубо техническом отношении коммуникационный потенциал традиционной печати по ряду параметров и в самом деле

[29] Гржибек П. Эмпирическая семиотика культуры на примере исследования пословиц с использованием результатов пробного опытного изучения известности хорватских пословиц // Знаки Балкан: Сб. статей. Ч. 2. М., 1994. С. 315.

уступает электронным каналам и в перспективе, скорее всего отдаленной, может быть исчерпанным, то другие ее особенности — из сферы логико-понятийной, психоэстетической и даже эргономической — обусловливают на данный момент достаточно высокий и относительно стабильный уровень привлекательности для аудитории. Вообще печать, и в частности традиционная книга, благодаря уникальной текстовой организации может передавать тончайшие смыслы, нюансы настроения, эстетические полутона, и «вот эта ее гибкость, способность выполнять многие задачи в коммуникативном плане и дает ей ту удивительную жизнестойкость, существование в веках, как кажется, неисчерпаемые или не исчерпанные еще возможности выразительности и вариативности. Нам видится ее будущее долгим и светлым»[30].

Таким образом, на протяжении 90-х годов мы наблюдаем в диалектическом отношении исключительно показательную и отмеченную особым напряжением ситуацию. Ее характеризуют, с одной стороны, острое противостояние, а с другой — взаимоприспособление и даже взаимопроникновение и сращение разных по типу СМИ — печатных и электронных.

Отметим, что электронное издание в широком онтологическом плане уже стало реальностью. Вошедший в употребление термин «электронная печать», однако, не является технически точным, скорее метафорически отражает суть явления. Тем не менее он прижился, как можно предположить, благодаря прежде всего тому, что содержит указание на диалектически сложную, непосредственную связь электронных изданий с традиционными, бумажными, на их родство, прямую преемственность. Электронные издания в силу осуществленных ими принципов отбора, организации и представления текстового материала, оперативности, актуальности, релевантности можно поделить на книжные и газетные.

Электронная газета представляет собой род электронного издания, существующего в мультимедийной системе on-line, хотя, в принципе, возможно и существование в системе off-line; это род издания, не уступающего в оперативности освещения событий другим электронным СМИ, отличающегося высоким уровнем интерактивности и принимаемого как стационарными настольными ПК, так и портативными. В электронной газете особым образом осуществляется моделирование и построение текстов любых модификаций, адаптивных по отношению к соответствующим мультимедийным каналам, взаимное глубокое их интегрирование. В перспективе «соблюдение канонического текста станет необязательным. Постепенно исчезнет и представление о книгах как артефактах»[31], хотя, разумеется, и традиционная книга, и электронное

[30] Адамов Е. Б. Форма книги // Адамов Е. Б., Валуенко Б. В., Кузнецов Э. Д. Книга как художественный предмет. Ч. 1. Набор, фактура, ритм. М., 1988. С. 8.

[31] См. подробнее: Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика: Теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М., 1995. С. 245.

издание не перестанут быть артефактами, а будут лишь восприниматься, ощущаться соответствующим образом.

Конечно, технический аспект подготовки печатных изданий на протяжении уже многих столетий существенно изменился: трансформируются способы фиксации текстового материала, стиль и характер воплощения внешней формы, меняются даже материальные носители информации. Но остается неизменной системоформирующая основа, а именно текстуальное пространство, представленное различными семиотическими комплексами. Несомненно, диалектика существования текстового материала сложна, о чем мы говорили выше. Он может обретать, например в электронном варианте, лишь ему свойственные черты, однако кардинальных системных сдвигов быть не может: текст, знаковый, особым образом выстроенный конструктивный материал, определяет в родовом отношении причастность к особому артефакту — изданию в традиционном бумажном или в электронном варианте. Уже само наличие семиотического компонента, структурированного текстуального поля, является основным детерминирующим фактором. В широком феноменологическом плане он полностью идентичен. Категории содержания и формы, если абстрагироваться от конкретного материального носителя информации, будут реализованы в обоих случаях практически совершенно аналогичным образом. Принципиальной, системоопределяющей роли не играет то, на какой предметной базе это произойдет, и данный процесс обусловлен качественным своеобразием издания как особого феномена, его генезисом, целями и задачами.

В Заключении диссертации представлены основные результаты проведенного исследования.

Выводы и положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб., 2001. (28, 6 п.л.).

Статьи, тезисы выступлений:

2. Буржуазная пресса и читатель (на материале швейцарских газет «Нойе цюрхер цайтунг» и «Журналь де Женев») // Журналист, пресса, аудитория. Л., 1982. (0,8 пл.).

3. Книжная полка: Зарубежная журналистика и современная идеологическая борьба//Диалог. 1988. №21. (0,3 п.л.).

4. Психологический аспект эстетического оформления периодической печати // Журналистика: права, возможности, ответственность. Л., 1990. (0,3 п.л.).

5. Журналистика Швейцарии// Журналистика западноевропейских стран: Учеб. пособие/Отв. ред. В. С. Соколов. Л., 1990. (0,3 п.л.).

6. Журналистика Бельгии // Журналистика западноевропейских стран: Учеб. пособие / Отв. ред. В. С. Соколов. Л., 1990.(0,2 п.л.).

7. Журналистика Нидерландов // Журналистика западноевропейских стран: Учеб. пособие / Отв. ред. В. С. Соколов. Л., 1990. (0,2 п.л.).

8. Журналистика Люксембурга // Журналистика западноевропейских стран: Учеб. пособие / Отв. ред. В. С. Соколов. Л., 1990. (0,1 п.л.).

9. Принципы формообразующих процессов в печати: от содержания к внешнему виду /7 Тезисы науч.-теор. конф. «Современная наука и журналистика». Л., 1991.(0,1 пл.).

10. Латинский шрифт: от графической структуры — к восприятию // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. Вып. 2. № 9. 1991. (0,5 п.л.).

11. От процесса формообразования в печати — к формовосприятию // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.2. 1992. Вып. 1. (0,5 п.л.).

12. Оформление сочинений Ж.-Ж. Руссо как эстетический феномен // Публицистика эпохи просвещения: I Междунар. конф.: Тезисы докл. и сообщений/Редкол.: К. М. Андерсон, А. С. Ежелев, Г. А. Лихоткин и др. СПб., 1992. (0,2 п.л.).

13. Формообразующие элементы в печати как эстетическая категория (на примере издания сочинений Ж.-Ж. Руссо) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1992. Вып. 3. (0,3 п.л.).

14. К истории формирования идентификации готического письма // Подготовка журналистских кадров (Опыт, история, проблемы). СПб., 1992. (0,1 п.л.).

15. Хроматическое пространство в формальной и содержательной структурах // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1993. (1,0 п.л.).

16. Готический шрифт как выразительное формообразующее средство в эстетической структуре печати // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1993. Вып. 3.(0,6 пл.).

17. Готический шрифт в графической структуре печатной страницы // Журналистика и культура: Материалы науч.-практ. конф. Апрель 1993 г. / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 1993. (0,1 пл.).

18. Содержательный и формальный аспекты структурообразования в печати //Журналистика и массовая культура: Тезисы науч.-практ. конф. 26—27апр. 1994 г. СПб., 1994.(0,1 пл.).

19. Текст как основное средство коммуникации // Журналистика в 1994 году: Тезисы науч.-практ. конф. Часть IV / Отв. за вып. М. В. Шкондин. М., 1995. (0,3 пл.).

20. Журналистский текст как средство коммуникации // Социальное функционирование журналистики / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 1994. (0,9 пл.).

21. Энтропия как особая функция состояния структур в печати // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1994. Вып. 4, (0,6 п.л.).

22. Печатное издание как объект исследования (к вопросу идентификации по М. Н. Куфаеву) // Журналистика и культура: Тезисы науч.-практ. конф. 4.1. 19—20 апр. 1995 г. СПб., 1995. (0,1 п.л.).

23. Генезис средств выражения в творчестве Ж.-Ж. Руссо // Публицистика эпохи Просвещения. Вып. 1 / Науч. ред. и сост. Г. А. Лихоткин. СПб., 1995. (1,5 п.л.).

24,, Некоторые аспекты художественно-публицистического творчества Ж.-Ж. Руссо в контексте общих эстетических процессов XVIII в. // Публицистика эпохи Просвещения: II Междунар. конф. Тезисы докл. и сообщений, хроника / Сост., науч. ред. Г. А. Лихоткин. СПб., 1996. (0,3 п.л.).

25. Методология изучения печатного издания: к проблеме системного и структурного подходов. // Журналистика — XX век: эволюция и проблемы: Тезисы междунар. науч.-практ. конф. 24—25 апр. 1996 г. / Отв. ред. Г. В. Жирков. СПб., 1996. (0,3 п.л.).

26. Профессиональное сознание журналиста: особенности мировосприятия (Зарубежная пресса) // Журналистика и социология'95: Материалы науч.-практ. семинара, 30 ноября 1995 г. / Редкол.: С. Г. Корконосенко (ред.-сост.), В. В. Ворошилов, М. Н. Ким. СПб.; Новгород. 1996. (Соавтор — С. М. Виноградова). (0,8 п.л.).

27. Современное качественное издание: к вопросу профессиональной ответственности /7 Век информации: Тезисы междунар. постоянно действующего науч.-практ. семинара (15—16 октября 1996 г.) / Сост., науч. ред. С. М. Виноградова. СПб., 1996. (0,1 п.л.).

28. Категории внутренней и внешней формы в печати (к проблеме структурной корреляции) // Акценты (Воронеж). 1996. Вып. 2. (0,5 п.л.).

29. Типографский знак: к проблеме прагматического отношения // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 23—24 апр. 1997 года) / Отв. ред. В. И. Коньков, СПб, 1997. (0,1 п.л.).

30. Роль энтропии в процессе идентификации структур в печати // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.1996. Вып. 4. (0,9 п.л.).

31. «НН»: типология, ориентиры, позиция // Невский наблюдатель. 1997. №1.(0,2 пл.).

32. Слово — в эфире и на странице (к проблеме речевой культуры) // Невский наблюдатель. 1997. № 1. (0,4 пл.).

33. Качественная газета «Neue Zurcher Zeitung»: к проблеме общения с читательской аудиторией // Журналистика и социология'96. О чём молчит аудитория?: Материалы науч.-практ. семинара, 28 ноября 1996 г. / Редкол.: С. Г. Корконосенко (ред.-сост.), В. В. Ворошилов, М. Н. Ким. СПб., 1997. (0,4 пл.).

34. О некоторых акцидентных формах проявления семантики текста // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов:

Материалы науч.-практ. семинара (25 марта 1997 г., С.-Петербург) / Редкол.: Б. Я. Мисояжников (ред.-сост.), М. Н. Ким, С. В. Смирнов. СПб., 1997. (0,1 п.л.).

35. От «сущностного смысла» — к тексту, погруженному в жизнь // Логос, общество, знак (к исследованию феноменологии дискурса): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1997. (0,4 п.л.).

36. Феноменология знака: к проблеме содержательной и формальной корреляции // Логос, общество, знак (к исследованию феноменологии дискурса): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1997. (1,2 п.л.).

37. Печать, общество, время (исследование в жанре газетных маргиналий) // Невский наблюдатель. 1997. № 2 (Соавторы: М. Н. Ким, А. Н. Тепляшина). (1,0 п.л.).

3^. Качественное издание: приоритеты, эволюция, текст (на примере немецкой газеты «Die Welt») // Невский наблюдатель. 1997. № 2. (0,6 п.л.).

39. Качественная газета «Нойе цюрхер цайтунг» финансовые институты Швейцарии // Век информации: Тезисы междунар. постоянно действующего науч.-практ. семинара. СПб., 1997. (0,1 п.л.).

40. Страница печатного издания: к проблеме дихотомии формообразующих средств // Средства массовой информации в современном мире: Те-*исы науч.-практ. конф (22- 23апр 1998 г.)СПб 1998/Отв. рея В И Коньков. (0,1 п.л.).

41. Функция знака в массовом коммуникативном процессе // Основы информационной культуры: Учеб. пособие / Редкол.: С. В. Смирнов (отв. ред.), Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников. СПб., 1998. (0,8 п.л.).

42. Журналист как субъект создания аналитического текста (на материале качественной прессы Германии) // Журналистика и социология'97. Журналист: личность, должность и долг: Материалы науч.-практ. семинара, 24 ноября 1997 г. / Редкол.: С. Г. Корконосенко (ред.-сост.), В. В. Ворошилов, В. И. Кузин. СПб., 1998. (0,5 п.л.).

43. Журналист: призвание, профессия, успех /7 Средства массовой информации в современном мире: Тезисы науч.-практ. конф. СПб., 1998. (Соавторы: С. М. Виноградова, В. К. Амбросенкова). (0,3 п.л.).

44. Типология периодической печати (Круглый стол) // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы науч.-практ. конф. СПб., 1998, (Соавтор А. Н. Тепляшина). (0,3 п.л.).

45. Иллюстрирование как элемент текстообразования // Невский наблюдатель. 1998. №1.(0,7 п.л.).

46. Жанр, не слишком актуальный // Невский наблюдатель. 1998. № 1. (0,4 пл.).

47. Соколов В. С, Виноградова С. М. Периодическая печать Италии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. Вып. 2. 1998 (0,3 пл.).

48. Мультимедиа и газета завтрашнего дня // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. И. Коньков. СПб., 1999. (0,1 пл.).

49. Типология: трудный поиск новой парадигмы (Вместо предисловия) // Типология печати: проблемы теории и практики: Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (12 марта 1998 г., С.-Петербург) / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников, СПб., 1999. (0,1 пл.).

50. Современное качественное издание (К проблеме типообразования) // Типология печати: проблемы теории и практики: Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (12 марта 1998 г., С.-Петербург) / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 1999. (1,0 п.л).

51. Иконический текст в печати // Невский наблюдатель. 1999. № 1. (0,8 пл.).

52. Соколов В. С, Михайлов С. А. Периодическая печать Соединенных Штатов Америки // Невский наблюдатель. 1999. № 1. (0,2 пл.).

53. Отражение действительности в тексте. Глава 2 // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по спец. «журналистика» / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000 (2,5 пл.).

54. Der Petersburger Text: Leidenschaft der Selbstidentifizierung // Podium. Literaturzeitschrift (Wien). 2000. 113/114. (0,5 пл.).

55. Тексты кибержурналистики: в поиске совершенных технологий // Периодическая печать на пороге электронной эры: Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (мультимедиа и газета завтрашнего дня)» (17—18 марта 1999 г., С.-Петербург) / Отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2000. (0,7 пл.).

56. Электронная газета (содержание и форма, пространство и время) // Периодическая печать на пороге электронной эры: Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (мультимедиа и газета, завтрашнего дня)» (17- 18 марта 1999 г., С.-Пегербур])) Отв ред. Б, Я. Мисонжников. Clio , 2000. (0,6п л;.

57. Содержание и форма журналистского произведения: диалектика взаимодействия // Средства массовой информации в современном мире: Тез. науч.-практ. конф. (26—27 апреля 2000 г., С.-Петербург) / Отв. ред. В. И. Коньков. СПб., 2000. (0,2 п.л.)

58. Иконический знак в структуре единого текста // Невский наблюдатель. 2000. №1.(0,8 пл.).

59. Символы и впечатления // Невский наблюдатель. 2000. № 1. (0,3 пл.).

60. Литературный портрет в «Новой цюрихской газете» // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. статей / Ред.-сост. В. В. Перхин. СПб., 2000. (0,9 пл.).

61. Гипотексты сетевой коммуникации как феномен «новой онтологии» // о;- >рмкрование гражданского общества как национальная идея России XXI века: Материалы к науч.-обществ, форуму (14—16 декабря 2000 г.) / Под ред. В. Г. Марахова. СПб., 2000. (0,3 пл.).

62,, Тексты универсума (от энтропии — к методу логического конструи-

рования) // Восточная Европа; диалог в христианстве: Материалы Междунар. науч. конф. (2 мая 2000 г., С.-Петербург) / Под ред. Л. Д. Бондарь. СПб., 2000. (0,4 п.л.).

63. Семиотика печатного издания (из опыта дискурсного анализа содержательных и формальных структур) // Невский наблюдатель. 2001. № 1. (0,8 п.л.).

64. Предисловие к Тексту //Невский наблюдатель. 2001. № 1. (0,3п.л.).

Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ
Заказ 83. Объем 2 1/2 п.л. Тираж 100 экз.